

Екатерина

Улыбон

А я дура пятая!

Екатерина Вильмонт

А я дура пятая!

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вильмонт Е. Н.

А я дура пятая! / Е. Н. Вильмонт — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100564-1

Пять лет назад Карина потеряла горячо любимого мужа и, кажется, готова к новой жизни. Однако прошлое то и дело напоминает о себе, порой болезненно и неприятно. И все-таки именно очередная встреча с прошлым расставит все по своим местам и Карина, наконец поймет то, чего не поняла в ранней юности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100564-1

© Вильмонт Е. Н., 2016
© АСТ, 2016

Екатерина Вильмонт

А я дура пятая!

© Вильмонт Е. Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Мы никогда не понимали того,
Что стоило понять.*

Николай Гумилев

– Каринка, ты телевизор смотришь? – закричала в телефонную трубку моя подруга Тонька.

– Нет, а что? – меня сразу затошнило.

– Включи, это же уму непостижимо!

– Какой канал?

– Второй!

Я включила. Там шло ежедневное скандальное шоу, обожающее лезть в личную жизнь людей, делать экспертизы ДНК и все в таком роде. Ну надо же! Там на диванчиках сидела вся компашка! Неужто опять будут перемывать мне кости? Похоже на то.

– Да она вообще мизинца Леонида Дмитрича не стоила! Она же темная, как валенок, прости, Господи, – истово перекрестилась бывшая соседка моего мужа, бывшая актриса, бывшая красавица и бывшая жена двух знаменитых режиссеров. Теперь она с наслаждением таскалась по всяким ток-шоу, учила всех жить.

– Но Леонид Дмитриевич, по-видимому, все-таки любил ее... – вставил слово молодой пройдошистый ведущий.

– Да какая там любовь! – закричала первая жена моего покойного мужа. – Она выскочила за него, чтобы просто зацепиться за Москву и попасть в круг избранных!

Очень интересно, это уже что-то новенькое! Они что, не в курсе, что я в Москве родилась и выросла в кругу куда более избранном, нежели актерская братия... И хотя была моложе мужа почти на четверть века, но к тому времени окончила истфак МГУ и была не такой уж темной девушкой.

– А почему вы считаете, что Леонид Дмитриевич умер из-за Карины Дубровиной?

– Знаете, – раздумчиво заметил скандальный журналист, неприятно расплывшийся бывший красавец, – когда пожилой мужчина женится на молодой, такой конец практически неизбежен.

Господи, со смерти Лёни прошло уже пять лет, а они все никак не уймутся. Интересно, что я им всем сделала? Чего та к ярится втора я су пруга, ведь между нею и мной было еще две жены? Но все четыре сплоченно ополчились против меня. Поразительно! Так, а это что за персонаж? Упитанная тетка в розовой кофте со стразами, глотая слезы, говорила:

– Она, она на похоронах и поминках даже не плакала, слезинки по покойнику не проронила, сама же небось его и отравила!

– Но вскрытие ничего не показало, кроме острой сердечной недостаточности! – внес ясность ведущий.

– Да что вы ерунду городите, – вмешалась Четырежды Бывшая, – не знаете разве, что сейчас есть такие препараты, которые практически невозможно обнаружить. Тем более ее отец был ученым-химиком!

«Нет, это уж слишком! Уже до моего отца добрались! Завтра же подам в суд за клевету! – вскипела я. – Сволочи, какие сволочи!»

– Господа, господа! – подал вдруг голос какой-то неведомый мне мужчина. – Какое право вы имеете голословно обвинять человека в уголовном преступлении?

На экране возник титр: «Феликс Ключников, адвокат».

– И вообще, я не очень понимаю, мы собрались тут, чтобы почтить память гениального режиссера или задались целью облить грязью его последнюю любовь? Любим мы говорить о Боге, а разве это по-божески?

– В самом деле, – состроил постную мину ведущий, которого явно не интересовал гениальный режиссер, зато чрезвычайно интересовали любые скандалы. Что ж, это его работа.

– И еще... – продолжал адвокат. – Почему, собственно, вы не пригласили в студию саму Карину Георгиевну? Создается впечатление, что все собрались здесь с одной-единственной целью – перемыть ей косточки, облить ее грязью...

– Мужчина, что вы такое говорите! – истошно завопила толстая тетка из публики, эдакая профессиональная обличительница. – Кому на фиг нужно что-то там ей перебивать! Слышали же, она на похоронах мужа даже не плакала, разве это по-божески?

– Человек, убитый горем, зачастую не может заплакать... – произнесла одна пожилая актриса, снимавшаяся в молодости в Ленином фильме.

– Да ладно! – вмешалась опять Четырежды Бывшая. – Знаю я ее, она просто холодная расчетливая дрянь! Рассчитывала, что Корецкий снимет ее в кино. А он, видимо, не хотел, не любил снимать непрофессионалов, а зазря жить со стариком неохота...

– Извините, вы все-таки настаиваете на версии преднамеренного убийства? – опять подал голос адвокат Ключников.

– Да! Настаиваю!

– Вы заявляете об этом на всю страну. И вы не боитесь, что вдова может подать на вас в суд за клевету?

– Не боюсь! Пусть подает! – как будто даже обрадовалась Бывшая. Ну еще бы, какой для нее, Бывшей, пиар!

– У Леонида Дмитриевича было больное сердце, а девка молодая, красивая, его и травить не надо было, небось просто перестарался в постели, – брезгливо скривив тонкие губы, проговорила супруга номер четыре.

Она ненавидела меня с особой страстью, ибо Лёня ушел от нее ко мне. Я даже понимаю ее.

– А все-таки, почему вы не пригласили на передачу Карину Дубровину? – повторил свой вопрос адвокат.

– Карина Георгиевна категорически отказалась! – заявил ведущий, как-то слегка замаявшись. И глазки у него при этом забегали.

– А зачем ей сюда приходиться, на всю страну позориться, она вот вас сюда прислала, скорее всего вы просто ее любовник! – высказалась супруга номер один.

Адвокат рассмеялся:

– Увы, к моему величайшему сожалению, я не только не являюсь любовником госпожи Дубровиной, но я даже не знаком с ней!

– Тогда чего вы так ее защищаете? – вызверилась на него супруга номер один.

– Сударыня, я адвокат, юрист, я уважаю закон, а следовательно, всегда помню о презумпции невиновности, а все ваши обвинения иначе как клеветой я назвать не могу!

– Коллега прав! – вставил слово молчавший до сей поры знаменитый адвокат. – Все это напоминает бабий шабаш на коммунальной кухне, уж извините!

И они ушли на рекламу. Тут же зазвонил телефон.

– Каринка, кто этот Ключников? Ты его знаешь? Какой мужик!

– Да первый раз вижу!

– Нет, правда?

– Конечно, правда.

– Обалдеть! Неужто просто нашелся там порядочный человек? Как-то слабо верится...

А может, он хочет раскрутить тебя?

– Раскрутить?

– Ну, я не так выразилась, может, он добивается, чтобы ты подала иск, а он стал бы твоим адвокатом и на этом раскрутился сам?

– Да ну... Ерунда. И к тому же я вовсе не собираюсь подавать иск! Еще не хватало!

Представляешь, сколько вони будет?

– Это да... И чего им неймется?

– Слушай, Тонь...

– Ой, реклама кончилась! Будешь смотреть?

– Да уж, досмотрю, черт бы их всех подрал!

– Кроме Ключникова!

Но дальше шабаш пошел на спад. В студии появился оператор, снявший два последних Лёниных фильма, Игорь Тимьянчик. Он сразу заявил:

– Я не буду говорить о Лёниных женщинах. Это разговоры для кухни. А тут все-таки не кухня. Я лучше расскажу вам, как мы с ним работа ли...

Несколько минут его заинтересованно слушали, а потом Четырежды Бывшая не выдержала:

– Та к почему же все-таки, по-вашему, он так внезапно умер? – все это говорилось с ядовитой ухмылочкой.

– Почему умер? – разозлился Игорь. – Потому что не умел щадить себя, потому что жил и работал на всю катушку и жену свою последнюю тоже любил на всю катушку! Но самое интересное заключалось в том, что и она его любила на всю катушку!

– В том-то и беда! – заметила супруга номер три.

– Рита, тебе не стыдно? – поморщился Игорь. – Хотя тебя даже можно понять... Тьфу, и зачем я сюда пришел? До свидания, господа, вы тут не великого человека вспоминаете, а копаетесь в грязном белье!

И он ушел. Молодец, Игорь!

Кто-то еще пытался сказать что-то о Лёне, но опять не был услышан.

Однако все когда-нибудь кончается. Я сидела застыв. Слез не было. Даже злости не было. Только навалилась жуткая усталость. Не было сил да же пошевелиться. Звонил телефон. И городской и мобильный. Но я не подходила. Не хотела выслушивать соболезнования, ахи и охи, призывы не оставлять это без внимания, подать в суд... Не хочу! Ничего не хочу! Скайп тоже стал подавать сигналы... Не хочу! Позвонили в дверь. Наверняка кто-то из соседей. Не открою! Затаюсь! И вдруг в дверь стали барабанить!

– Карина, открой! Не откроешь, я сломаю дверь!

Я узнала голос Тонькиного мужа. Этот и впрямь может сломать дверь. Пришлось встать и открыть. Кирилл влетел в квартиру, за ним зареванная Тонька.

– Ты чего к телефону не подходишь? Мы уж невесть что подумали! – накинулся на меня Кирилл. – Тонька ревет, думает, ты тут с собой покончила!

– Я? Из-за этих? Не дождутся! – вдруг вскипела я. – Вы на машине?

– Да, а что?

- Поехали!
- Куда?
- Куда-нибудь, где можно спокойно выпить!
- А может, в Дом кино? Пусть видят...
- Ну нет! А впрочем, не надо никуда ехать! Выпить лучше дома!
- И это правильно, Каришка! – одобрил меня Кирилл.
- Пошли на кухню, я чего-нибудь соображу...
- А давай просто испечем картошки? У тебя селедка есть?
- Тонька, ты мудрая! Это ж самая любимая Лёнина еда! Ой, а водки у меня и нет, я на днях отдала соседям...
- Не страшно, пока картошка печется, я смотаюсь в магазин! – вызвался Кирилл. – Может, надо еще что-то прикупить?
- Кир, купи пирожных, – взмолилась Тонька. – Или лучше тортик, если есть «Тирамису»! Обожаю! Только глянь, чье производство...
- Да знаю я! Только, девки, картошка, тортик, завтра нить не будете, что калорий много?
- Не будем!
- Тогда я пошел!
- Тонь, как хорошо, что вы приехали...
- Знаешь, Кирюха так плевался... Наорал на меня, зачем ты, идиотка, эту пакость смотришь...
- Хороший он у тебя...
- В общем и целом да, очень хороший. А мне вот этот Ключников понравился. Красоты никакой, но морда приятная, и умный вроде...
- Если такой умный, чего пришел на это пакостное действо?
- Тебя защищать!
- Да не меня защищать, а себя пиарить...
- Но он же, факт, тебя защищал!
- Да ну... Просто решил выделиться на общем фоне...
- Значит, не дурак! Знаешь, мне почему-то кажется, что он скоро на тебя выйдет...
- Предлагать свои услуги по защите моих интересов? Обломается! Нет у меня никаких интересов. Только один – чтобы обо мне забыли. Слышал бы Лёня, что они обо мне говорят...
- Слушай, а у тебя в институте как-то на все это реагируют?
- А ты как думала? Хорошо, пока хоть оргвыводов не делают.
- Тут вернулся Кирилл:
- Ну что, девки, накатим? Говорят, в советские времена был популярный тост «За нас с вами и х... с ними!». Предлагаю вспомнить его в связи с сегодняшним шабашем! За нас с вами, девки, и х... с ними!
- Поддерживаю! – засмеялась я. – Между прочим, это был любимый Лёнин тост.
- Я присоединяюсь к предыдущим ораторам, – заявила Тонька, – но предлагаю еще дополнение: чтоб им пусто было!
- Ура! – закричал Кирилл. – Каринка, ты понимаешь, почему я женился на Тоньке? Она всегда со мной на одной волне, а это, я считаю, в браке самое ценное!
- О да! – согласилась я. – Эти глупые злобные бабы просто не понимают, что мы с Лёней с первой минуты существовали на одной волне...

* * *

Я тогда училась в аспирантуре, мне было двадцать пять, казалось, впереди вся жизнь и непременно счастливая. Я получила на истфаке диплом с отличием, мне предложили место

в аспирантуре, практически без всяких усилий с моей стороны. Моим научным руководителем был Матвей Исаевич Шульман, замечательный историк и чудесный человек. Его жена, Мелания Львовна, преподавала на филфаке романские языки. Их единственная дочь умерла от неизлечимой болезни легких в возрасте шести лет, и они оба относились ко мне с огромной нежностью. Приглашали на все семейные праздники. И вот однажды...

Однажды к ним на дачу приехали их старые друзья, крупный физик, работающий и живущий в Англии, и знаменитый кинорежиссер Леонид Дмитриевич Корецкий. Мне нравились его фильмы, в которых всегда была бездна юмора, хотя он вовсе не был комедиографом. Ему было пятьдесят, но выглядел он прекрасно. Подтянутый, элегантный, с блестящими глазами. Он сразу взялся жарить шашлыки. Меня, как самую молодую, отправили ему помогать, быть, что называется, на подхвате.

- Лук нарезать барышня в состоянии?
- Вполне!
- Тогда советую смыть реснички, лук злющий!
- Ну вот еще! Я просто надену очки и подержу луковицы в холодной воде.
- О! Вам часто приходится резать лук?
- Да нет, просто учитываю горький опыт.
- Вы, значит, Мотина аспирантка... А вы замужем?
- Была. Полгода.
- И что? Он оказался негодяем?
- Нет. Просто я чуть не сдохла от скуки.
- А зачем выходила?
- Сдуру!
- Вот и я... Четыре раза женился и все сдуру...
- Выходит, мы товарищи по несчастью? – засмеялась я.
- Выходит так, дорогой товарищ Карина! А отчество у тебя какое?
- Георгиевна!
- Живешь с родителями?
- Нет. Отец умер, а мама с дедом живут в деревне.
- В деревне? Ты из деревенских, как-то слабо верится...
- Да нет, просто у мамы здоровье неважное, а мой дед прекрасный врач, но он уже не

практикует, они купили дом в деревне и живут... Даже козу завели. Красивая такая коза, Марфуша!

- Какая прелесть! Коза Марфуша... Надо же... А куры у них есть?
- Нет. Только Марфуша и два кота, Бегемот и Азazelло.
- Кто у вас такой поклонник Булгакова?
- Мама!
- А ты?
- А я не очень.
- Почему?

– Ну, если речь идет о «Мастере и Маргарите», то я обожаю все, что связано с Иерусалимом и Иешуа, а вот вся эта чертовня... Как-то не мое...

Он очень пристально на меня посмотрел:

- Да? И ты не стесняешься об этом говорить?
- А почему я должна подстраиваться под общепринятые стандарты?

– Ого! А при этом ты еще и красивая... Я сразу-то не разглядел... А такая красота самая ценная. Когда не шибает в глаза... А ты была в Иерусалиме?

- Была.
- Впечатлилась?

– В полной мере. А вы почему спросили? Думали, я непременно скажу, что нет, не впечатлилась?

Он расхохотался:

– А ты еще и умная... Надо же... Скажи, а ты видела хоть один мой фильм?

– По-моему, я видела все ваши фильмы и, предвзято дальнейшие вопросы, скажу, что мне особенно в них нравится...

– Ну-ка, ну-ка?

– Чувство юмора у автора. Я не люблю фильмы, у автора которых напрочь отсутствует чувство юмора.

– Например?

– Тарковский!

– Ну, ты даешь! Я всегда тоже так определял для себя впечатление от его фильмов. Он, конечно, великий мастер, но не мой... Черт побери, как интересно с тобой... Ох, а ничего, что я говорю тебе «ты»?

– Ничего. В вашем возрасте это уже допустимо.

– Ах, мерзавка, – расхохотался он. – Да, такой палец в рот не клади!

Тут к нам подошла Мелания Львовна:

– Лёня, как тут у вас дела?

– Все путем, Мелечка! У твоего мужа классная аспирантка!

– Лёня, не вздумай!

– А я уже вздумал! Я таких сроду не встречал!

– Карина, не слушай его! Он страшный бабник, и вообще тебе в отцы годится! Пошли, он уже без тебя обойдется, а мне твоя помощь необходима.

Она обняла меня за плечи и повела к дому:

– Деточка, я, конечно, понимаю, Лёнька очень привлекательный, но нельзя... Он четвертый раз женат...

– Да что вы, Мелания Львовна, я и не думала. Он и вправду мне в отцы годится.

Но я лукавила. Он мне страшно понравился. Но нельзя подавать людям повод к каким-то мыслям на этот счет. Мало ли что бывает в компании. Это просто невинный флирт и только.

Как потом рассказывал Лёня, он тоже решил затаиться и вел себя весь вечер так, словно ничего и не было. Но в какой-то момент вдруг сунул мне в руку записку. Когда я, запершись в туалете, ее развернула, то увидела такой текст: «Это мой телефон. Позвони завтра от 16 до 18. Если не позвонишь, я все равно тебя найду. И ты все равно не отвертись!»

Я была в восторге! И подумала, не буду звонить, пусть ищет. Но потом сообразила, что искать меня он станет через Матвея Исаевича, а это уже огласка... Лучше позвоню сама. И позвонила.

– Здравствуй, девочка!

– Здравствуйте, дяденька!

– Хочу тебя видеть!

– Какие будут предложения?

– А пошли завтра утром в зоопарк?

– В зоопарк? С восторгом! Только в террариум не пойду!

– Еще чего! Мы и так живем в террариуме. По крайней мере я. Тогда завтра в десять утра у входа в зоопарк. Смотри, не опаздывай!

– И не подумаю!

* * *

Я пришла без пяти десять. Он появился минута в минуту.

- Уже ждешь? Я не опоздал!
- А я боялась опоздать.
- Он купил билеты, и мы отправились в зоопарк.
- Ну, с чего начнем?
- Пошли к хищникам!
- Пошли! Скажи, – он взял меня под руку, – тебя не удивило, что я позвал тебя в зоопарк?
- Меня это обрадовало. Я люблю животных.
- А умеешь доить Марфушу?
- Нет. Она мне не позволяет. Дается только маме.
- А эта деревня далеко?
- Сто пятьдесят километров.
- Ты часто там бываешь?
- Нет, не получается. Времени не хватает. Да я и не люблю деревню. Я городской житель.

Я и дачу не люблю.

- И машины у тебя нет?
- Нет. Зачем? И вообще, чем меньше собственности, тем лучше.
- И какая у тебя собственность?
- Однокомнатная квартира. С меня хватит.

Мы долго бродили от вольера к вольеру, говорили о каких-то пустяках.

- Леонид Дмитриевич, я хочу мороженого!
- Мороженого? Здорово! Я тоже хочу! Пошли поищем!

Мы съели по стаканчику мороженого.

- Мне не понравилось, – каким-то шутливо-капризным тоном сказал он.
- Знаете, где самое вкусное мороженое?
- Где?
- В ГУМе!
- Да?
- Да!
- Поехали!
- Куда? В ГУМ?

– Не совсем! Там есть кафе, где можно сидеть на Красной площади! Обожаю! И я накормлю тебя самым вкусным в мире тирамису!

- Вы сладстена?
  - Ужасный!
  - А как же звери?
  - Все должно быть в меру. А то озвереем! Пошли-пошли, у меня тут неподалеку машина.
- Он уже тянул меня за руку к выходу.

Мы усадились на терраске, выходящей на Красную площадь. Он заказал кофе и тирамису.

– Как хорошо! Знаешь, мне так нравится, что Красная площадь утрачивает свой какой-то сакральный смысл. Теперь это просто красивая площадь в центре столицы, зимой здесь устраивают каток... Люди веселятся... Это все как-то очеловечивает достаточно мрачную историю этого места. И здесь теперь можно сидеть и пить кофе с девушкой, от которой у меня голова идет кругом.

– Молодой человек! – окликнул он официанта. – Принесите нам два мохито! Ой, я же не спросил, ты любишь мохито?

- Очень! Но вы же за рулем?
  - Да что такое мохито? Смешно! К тому же гаишники меня почти всегда узнают.
- Тирамису и в самом деле оказалось выше всяких похвал.

– Вкусно тебе?
– Супер!
– Слушай, а почему ты согласилась со мной встретиться? Потому что я Леонид Корецкий?

– Нет, не потому! Дело в том, что мне с вами легко и весело, несмотря на то что вы Леонид Корецкий и по возрасту годитесь мне в отцы.

– А ты стерва! Но восхитительная... А главное, умная. Выйдешь за меня замуж?

– Дура я, дура я, дура я проклятая, у него четыре дуры, а я дура пятая! – тихонько пропела я.

Он едва не свалился со стула.

– Какая же ты прелесть, Каринка! Ты вот сказала, что я тебе в отцы гожусь, так нет же, я гожусь тебе только в мужья. Я всю жизнь искал такую...

– И не больше и не меньше, да?

Он вдруг посмотрел на меня очень серьезно, взял мою руку, поцеловал каждый пальчик, потом ладошку.

– Знаешь, можно я буду звать тебя Марфушей?

– Потому что я коза?

– Нет, просто Карина – это как-то чересчур торжественно и недостаточно нежно, а Марфуша... так хорошо...

– Зовите Марфушей.

– Ты не думай, я так буду звать тебя только наедине.

– Годится! Лео и Марфуша!

– Лео? Ох, слушай, гениально! У меня есть прелестный сценарий о любви. Я мечтаю его когда-нибудь снять, там героев зовут совсем обыкновенно, Таня и Олег. А вот я назову их Лео и Марфуша... Все сразу приобретет совершенно иной вкус и аромат! Ты чудо, моя Марфуша! Ну, так ты согласна быть моей Марфушей?

И такая в его глазах была мольба, и такая нежность...

– Согласна, Лео!

– Тогда сейчас поедem в деревню к твоей маме! Знакомиться! И просить твоей руки!

– Первый мамин вопрос будет, разведены ли вы. А если вы соворете, дед сразу просечет.

– Значит, не едем сейчас в деревню?

– Нет. Мы едем ко мне, – нахально за явила я, мне не терпелось остаться с ним наедине.

Он был невероятно привлекателен.

– Храбрая девушка, однако!

– Храбрая, поскольку давно не девушка.

Он расхохотался:

– Поехали, прелесть невозможная! Значит, тебя не смущает, что я старый, неразведенный и ни хрена в общем-то у меня нет после четырех идиотских браков?

– Да ни капельки! У вас есть самое для меня главное...

– И что же это?

– Ум, талант, чувство юмора... И мужское обаяние.

– Ни фиги себе! Но у меня даже нормальной квартиры не будет после развода.

– Но у меня есть крыша над головой, а там будет видно.

– Обалдеть! Я люблю тебя, Марфуша!

На следующий день он объявил жене, что уходит, собрал свои вещи и перебрался ко мне. Скандал в желтой прессе был нешуточный. Как только нас обоих не поливали!

– Вот что, Марфуша, надо удирать из Москвы, благо лето! Может, в деревню?

– Покоя не дадут! Лучше куда-то за границу. Добраться до нас будет труднее.

– Не смей меня, папарацци куда хочешь доберутся... Скажи, а как ты относишься к рыбалке?

– Никак не отношусь. А ты что, рыбак?

– Обожаю! А давай уедем в лес, поставим палатку. Я буду рыбачить, а ты варить уху?

– Ох нет, варить уху я не умею, чистить рыбу терпеть не могу...

– То есть ты дитя цивилизации?

– Абсолютно!

– А я думал, ты романтическая Марфуша...

– Я предупреждала, что люблю город. И кормить комаров в палатке... фу!

– Понял! И коль скоро мне досталась такая охренительная молодая особа, я согласен на все, что угодно!

И в результате мы улетели в Иркутск, где жил его двоюродный брат Андрей. Он и его жена прекрасно нас приняли и первым делом повезли на Байкал. Там была такая красота, что я забыла обо всех своих урбанистических пристрастиях. Впрочем, Гуля, жена Андрея, тоже любила комфорт, и мы с ней поселились в гостинице, а наши мужья всю наслаждались рыбалкой. Добытую ими рыбу нам готовили на кухне гостиницы. Лёню там конечно же узнали, но вполне уважительно отнеслись к его праву на личную жизнь. С Гулей мы подружились. Она тоже увела Андрея от жены. И нам было о чем поговорить и посмеяться.

– Вот не думала, что Леонид все-таки уйдет от этой своей липучки!

– Почему липучки?

– А он тебе не говорил, как она к нему липла всю дорогу? На все съемки с ним таскалась, во все экспедиции. Он ей запрещал, уезжал без нее, а она все равно заявлялась, понимая, что выгнать ее при всей группе он не посмеет. Она буквально не давала ему дышать...

– Да? А между прочим, к Шульманам он приехал без нее.

– Удивительно! Значит, у нее возникли препятствия неодолимой силы, не иначе! Могу себе представить, как она сейчас кусает себе локти...

– Гуля, а ты всех его жен знаешь?

– Нет. Откуда? Мы ж с Андреем всего два года как поженились...

Мы пробыли там десять дней и вернулись в Москву.

– Марфуша моя... Я так благодарен тебе!

– За что?

– За то, что не мешала жить там, на Байкале... Я был там счастлив, как никогда прежде. Эта фантастическая природа, рыбалка и ты... Что еще человеку надо?

– Этому человеку еще надо снимать кино, насколько я понимаю, да?

– Ты все правильно понимаешь.

А вскоре ему выделили деньги на новый фильм. Он назывался «Марфуша и Лео»! И получил Гран-при на «Кинотавре» и потом «Серебряного Льва» в Венеции. Критики писали, что это его лучший фильм. Но он оказался последним...

* * *

Я опасалась, что в институте будет много разговоров по поводу телепередачи, но, похоже, у нас слишком интеллигентная публика, чтобы смотреть эту пакость, или же слишком деликатная и стыдливая, чтобы говорить об этом вслух. А студентам это все и вовсе неинтересно. Хотя в соцсетях и поднялась буча. Но мало-помалу все стало стихать. А однажды вечером...

Раздался звонок домофона.

– Кто там?

– Карина Георгиевна?

– Да?

– Это Антип Корецкий, слышали про такого?

Антип – Лёнин сын от первого брака. Я не была с ним знакома. Что ему понадобилось?

– Что вы хотите?

– Мне необходимо с вами поговорить! Но не объяснять же все по домофону.

– Хорошо, открываю!

У меня возникло какое-то неприятное чувство. Зачем он явился? С отцом никаких связей не поддерживал, хотя Лёню это мучило. Ему было уже под тридцать.

Это оказался довольно привлекательного вида молодой мужчина, небрежно одетый, впрочем, небрежность была нарочитая, так сказать, художественная.

– Здравствуйте, будем знакомы. Антип! Вот наградили имечком предки!

– А по-моему, прекрасное имя. По крайней мере не избитое. Заходите, Антип! Хотите кофе или чаю?

– Лучше кофе!

– Хорошо. Идемте на кухню!

– Ого! А нехилую квартирку вам папашка оставил!

– Должна вас разочаровать, ваш отец не оставил мне практически ничего. Его многочисленные жены ободрали его как липку. Он пришел ко мне в однокомнатную квартирку. А эта квартира досталась мне в наследство от моей тетки, примабалерины Большого театра и заодно любовницы крупного деятеля Моссовета. Так что претендовать вам тут не на что!

– Господи помилуй! Я и не собирался ни на что претендовать, господь с вами!

– Тогда что привело вас ко мне?

– Честно?

– По возможности!

– Меня привел сюда стыд.

– Стыд? – поразила я.

– Да. Стыд. И еще отчасти любопытство.

– Ну, любопытство – вещь понятная, а вот стыд... За что?

– За мать! Я видел эту жуткую передачу и чуть не сгорел со стыда. И приношу вам свои извинения!

– Невероятно! Но вы-то здесь при чем?

– Я все-таки ее сын...

– Ну, а что вызвало ваше любопытство?

– А захотелось посмотреть на женщину, вызывающую столь бурные эмоции у стольких баб. А почему вы не пришли на программу?

– Начнем с того, что меня туда не звали, это во-первых, а во-вторых, я вообще на такие сборища не хожу. И смотреть бы не стала, но меня подруга буквально заставила. А вы зачем смотрели?

– Мама потребовала. Меня, мол, будут по телевизору показывать... Ну, я ей потом сказал все, что думаю по этому поводу. Простите еще раз!

– Ладно. Прощаю.

– Но все-таки один приличный человек там нашелся. Этот адвокат... Он ваш знакомый?

– Да я никогда даже о нем не слышала. Пейте кофе. Может, хотите молока?

– Да нет, спасибо. А кофе у вас хороший. И вообще...

– Что?

– Кажется, я понимаю отца. Посмотрел я на всех этих его баб скопом... Тьфу!

И он улыбнулся. Улыбка была Лёнина.

– А вы похожи на отца, Антип.

– Да? Возможно.

– Скажите, а почему вы не желали с отцом общаться?

– Да сперва по молодой дури. А потом... Я жил в Дании, пытался стать европейцем... А отец тем временем умер. Это грустно. Я тут недавно посмотрел все его фильмы. Талантливый был человек. С отличным чувством юмора. Жаль, что не успел с ним пообщаться уже будучи взрослым. Хочется побольше узнать о нем, но у кого? Мать все еще, через столько лет и через четыре жены, обижена на него... Вот я и решил прийти к вам. А вы подумали, я хочу оттяпать у вас жилплощадь?

– Согласитесь, Антип, что после такой программы подобная мысль вполне естественна...

– Пожалуй! – засмеялся он. – А скажите, Карина Георгиевна...

– Можно просто Карина.

– Спасибо. Так скажите мне... Вы явно умная женщина...

– Благодарю.

– Скажите, как мог отец, такой талантливый и остроумный человек, жениться на таких бабах? Ну, на матери он женился совсем молоденьким, она была красотка... А потом? И ведь еще три осечки... Как такое возможно, вы понимаете?

– Честно говоря, не очень. Но они все были красивыми, а Лёня был эстет... и плоть слаба...

– Но ведь они, похоже, непроходимые дуры...

– Знаете, я как-то об этом не думала. Мне было важно только то, что он выбрал меня. А что там было раньше... Думается мне, ваш отец к тому же был порядочным человеком и женился на всех своих... дамах.

– Да, может быть, – улыбнулся Антип.

– Антип, а чем вы занимаетесь?

– Я ветеринар.

– Как? Лёня мне говорил, что вы учились...

– Да, учился на сценографа, но бросил, мир зверей привлекал меня больше, чем театральный. Он как-то человечнее, что ли...

Я засмеялась:

– Да, пожалуй! Здорово!

– Знаете, я жил в Дании и работал там, но после того как в Копенгагене стали в зоопарке на глазах у детей убивать животных...

– Да, я помню этот ужас с жирафом...

– Я решил, что с меня хватит таких европейских ценностей. И сейчас я работаю здесь в ветеринарной клинике.

– Вы молодец! А вы не голодны? Могу покормить.

– Да нет, спасибо, не хочется. А у вас нет животных?

– Увы, нет. Я живу одна и...

– И много работаете. Я посмотрел в Интернете, вы преподаете историю... Историю чего?

– В результате я преподаю историю искусств. Меня Лёня буквально заставил... Он говорил, что история искусств куда менее подвержена политическим выкрутасам, нежели история человечества.

– Остроумная идея, вполне в духе Леонида Корецкого... – засмеялся он.

– Мне даже пришлось сменить тему диссертации, был скандал, Лёня чуть не рассорился с Шульманом, но я все-таки пошла на поводу у мужа и в результате начала писать новую диссертацию, но тут Лёня умер, и мне было уже не до научных степеней. Да и кому сейчас нужны все эти диссертации, ну их...

– Карина, а не хотите взять собаку?

– Нет, собаку точно не хочу. С ней надо гулять в любую погоду...

– Есть собачки, с которыми не надо гулять.

– Это такие крохотульки? Нет, собака должна быть собакой, а не заместительницей кошки. Тогда уж лучше кошка! Но я часто уезжаю...

– Куда?

– Куда-нибудь... Меня часто тянет из дома, и я при первой же возможности смываюсь...

– Понял! Но если вдруг захотите, я всегда вас проконсультирую. Или, может, кому-то из ваших знакомых понадобятся услуги ветеринара... Я хороший врач!

– Верю! И буду иметь в виду.

– Знаете, я очень рад, что пришел к вам и познакомился... По крайней мере мое уважение к отцу, сильно поколебленное этой телепрограммой... Короче, хоть на старости лет человек сделал правильный выбор!

– Вон даже как!

– Да, кстати, я теперь называюсь не Антипом, а Анатолием.

– Господи, почему?

– А вы знаете, что Антипка – это прозвище черта?

– Знаю, конечно, но...

– А вот матушка моя не знала.

– Но отец не мог не знать.

– А для него это было приколом таким... Он иногда, когда у него выбиралось время для меня, звал меня чертушкой. А знаете, что меня подвигло сменить имя? Однажды на прием пришла старушка, принесла кота, но, увидав мой бейджик, вдруг схватила кота и закричала: «Не дам его тебе, нехристю!» Хотя Антип есть в святцах... Ну я и решил...

– А почему ж вы мне назвались Антипом?

– А вы бы, скорее всего, просто не поняли, кто к вам пришел.

– Вообще-то верно, – засмеялась я. – Но я все-таки буду звать вас Антипом, мне нравится это имя.

– Да ради бога! Ну я пойду уже...

– Заходите, Антип! Буду рада!

– Спасибо! Вот оставляю вам свою визитку.

И он ушел. Впечатление осталось приятное.

Как жаль, что Лёня не общался с сыном в последние годы. Он был бы доволен.

Дня через два мне позвонили с телевидения:

– Карина Георгиевна, мы хотим пригласить вас на наше ток-шоу!

– Зачем это?

– Но тут получилось как-то... некрасиво... о вас говорили в основном в негативных тонах...

– Ну, судя по всему, это так и было задумано. А теперь вам понадобилась вторая серия? Нет, увольте!

– Но зачем же оставлять у публики столь негативное впечатление о себе? А тут вы бы выступили, и публика увидела бы вполне достойную образованную женщину...

– Знаете, мне наплевать на эту публику. Те, кто меня знает, были крайне возмущены вашей программой, предлагали даже подать в суд, но я просто не хочу мараться. И это мое последнее слово!

– Но, Карина Георгиевна...

– Я все сказала!

– И вы будете подавать в суд?

– Я не буду подавать в суд, я просто хочу поскорее забыть эту пакость. Все!

Нет, это поразительно, до чего они там бессовестные! То есть они знали, что я, как выразилась эта девица, вполне достойная женщина, и все-таки сделали эту программу... Я позвонила Тоньке и рассказала ей об этом разговоре.

- Ну и дура!
- Да почему?
- Надо было пойти, пусть бы все тебя увидели.
- Да знаю я, как они действуют, уж если взялись кого-то травить... Обязательно отыщут какую-нибудь полубезумную злобную соседку, и опять я же выйду мерзавкой. Сама, что ли, не знаешь?
- А вообще-то да! И как им не надоест к тебе цепляться?
- А это их работа. Та программа, видимо, собрала высокие рейтинги, еще бы, такой полив! Вот и решили сделать вторую серию. Все, Тонька, забыли! А ко мне, между прочим, после той передачи явился...
- Адвокат?
- Да нет, совсем уж неожиданно! Лёнин сын. Пришел извиниться за мамашу.
- Да ты что? С ума сойти. И как он тебе?
- Он мне понравился, хороший парень. И кстати, хороший ветеринар.
- В каком смысле?
- В прямом. Ветеринар, зверюшек лечит.
- Да ты что!

* * *

Как-то вечером я возвращалась после лекций и застала в подъезде совершенно дикую картину. На полу у лифта и на ступеньках лестницы валялись какие-то мужские вещи. Сверху доносились истошные женские вопли, и вниз наконец свалилась большая спортивная сумка. А лифт не работал. Консьержки тоже не было видно. Ага, кажется, понятно, какая-то баба в истерике выгоняет мужика и орет на весь подъезд. И тут сверху буквально ссыпался какой-то высоченный мужик и начал подбирать свои шмотки и запихивать в сумку, тихо матерясь. Мне стало его жалко. Он выглядел так шикарно и вдруг должен подбирать с полу свое барахлишко...

- Вам помочь? – спросила я.
- Он как-то даже испуганно на меня взглянул. И виновато улыбнулся. Улыбка была чудесная.
- Если не трудно!
- Да что ж вы так все пихаете, давайте, вы подбирайте, а я все сложу аккуратно.
- Я начала складывать вещи на широком подоконнике, сдвинув в сторонку три горшка с цветами.
- Ну надо же... Как ловко у вас получается... Хотя, если честно, хотелось бы уже навсегда покинуть этот подъезд! Кто вы, добрая самаритянка?
- Просто добрая самаритянка. И я ненавижу публичные скандалы!
- Поразительно! На третьем этаже какая-то тетка вдруг заявила, так тебе, кобелю, и надо!
- Допускаю, что так вам и надо, но форма уж больно вульгарная. Ну вот, теперь все в порядке.
- Вы чудо!
- Он был высокий, не сказать чтобы красивый, но очень элегантный. На нем был короткий черный плащ, туго затянутый на талии поясом, а белая рубашка, выглядывавшая из-под плаща, была разорвана. Видно, мужику досталось. Я вынула из его сумки лежавший сверху шарф и протянула ему:
- Наденьте, у вас рубашка порвана.
- Благодарю, спасительница. Век не забуду!
- Забудете через пять минут.

- Послушайте, а давайте заедем в какое-нибудь кафе. Я умираю с голоду!
- Без меня!
- Но почему? Что тут такого?
- Вообще-то ничего, но я вовсе не хочу стать случайной жертвой вашей ревнивой дамы.

Всех благ!

И я побежала вверх по лестнице. Хотя он мне понравился. Даже очень. Но, судя по всему, по виду, по манерам, он завязанный бабник, которому здорово досталось. Вероятно, поделом вору и мука. Но зачем связываться с бабами, которые так ведут себя? Даже интересно, помирится он с ней? Дурак будет, если помирится. А может, там любовь? И вдруг я подумала – как хочется еще раз полюбить кого-то... Но после Лёни это вряд ли получится. Слишком высокая была планка...

На другой день консьержка спросила меня:

– Карина Георгиевна, вы не знаете, что это такое? Я тут сегодня утром под ступеньками нашла.

– Это такая зарядка для телефонов. Внешний аккумулятор. Только он разбит. Тут вчера такое было...

– Да уж знаю, Лялька Зарубина мужика своего взащей выгнала! Видать, это его...

– Возможно!

– К ней потом «скорая» приезжала. Она вообще истеричка конченная.

– Ладно, Мария Дмитриевна, я пойду, а то на лекции опоздаю.

С Лялей Зарубиной я не была знакома. Но она не внушала мне симпатии. Разве можно так распускаться?

Еще через два дня я опять возвращалась из института.

– Здравствуйте, добрая самаритянка!

Передо мной стоял давешний изгнанник.

– Здравствуйте! Вас помиловали?

– А я не подавал прошения.

– Ждете амнистии?

– Боже упаси! Я просто был тут неподалеку по делам. И вот увидел вас из машины...

– И что?

– Просто захотелось еще раз поблагодарить вас за помощь.

– На здоровье!

– Скажите хотя бы, как вас зовут?

– Карина Георгиевна.

– А я Кузьма Филиппович.

– Кузьма? Хорошее имя! Всего вам доброго, Кузьма Филиппович!

– Погодите, Карина...

– Кузьма Филиппович, стоять тут с вами просто опасно. Ваша дама может невесть что подумать, а мне эти радости ни к чему. Всего вам доброго!

И я быстро вошла в подъезд. Надо же, Кузьма! Если б так сейчас пацана назвали, это было бы нормально, но вот лет сорок назад... Этого парня можно было только пожалеть. Воображаю, как его дразнили в школе. А он приятный... Манеры хорошие... Зато у его дамы манеры хуже некуда. Нет, минуи нас пуще всех печалей... Мало я натерпелась от бывших Лёниных жен и подруг... Хватит с меня. И я выкинула его из головы.

Больше он не появлялся.

* * *

- Карина? – Голос в трубке был знакомый, я только не могла сообразить, кто это.
- Простите...
- Не узнаешь? Немудрено! Образцов, помнишь такого?
- Господи, Сергей Павлович, какими судьбами?
- Да вот, приехал в Москву.
- Надолго?
- Да не знаю пока, может, и вообще останусь. Но очень надо повидаться.
- Это был ближайший Лёнин друг, известный сценарист, последние годы живший в Германии.
- Как ты живешь, Каринка? Я вот слыхал, бабё тебя травит? Черт знает что такое!
- Да я плевать на них хотела, хотя, должна признаться, иной раз так тошно бывает...
- Да я видал последнюю программу. Уму непостижимо!
- Да уж, но после нее ко мне пришел Антип.
- Антип? Зачем?
- Извиниться за мамашу.
- С ума сойти! А он разве в Москве?
- Да. Работает ветеринаром.
- Ветеринаром? Почему? Что за бред?
- Это его выбор.
- Как все интересно... Слушай, Каринка, очень нужно повидаться, есть важное дело.
- Дело? Какое?
- Не по телефону.
- Ну, может, приедете?
- Можно... Хотя нет, давай-ка лучше на нейтральной территории, так будет правильнее.
- Ничего не понимаю, Сергей Павлович!
- Давай в Доме кино?
- Ох нет, не хотелось бы.
- А, понимаю... Тогда в «Бавариусе». Ты пиво пьешь?
- Могу.
- Знаешь, где это?
- Знаю.
- Отлично! Тогда завтра в три часа, сможешь?
- Смогу.
- Буду рад тебя повидать!
- Я тоже!

* * *

Я терялась в догадках, что ему могло от меня понадобиться и почему он не захотел просто прийти ко мне? Может, у Лёни где-то завалился какой-то его сценарий? Но тогда логичнее было бы прийти ко мне. Или он задумал написать что-то о Лёне или просто положить в основу сценария нашу историю? Да, скорее всего именно так. Ладно, посмотрим! Он был старше Лёни на три года, значит, ему уже шестьдесят один. Но он всю жизнь живет с одной женой, вполне славной женщиной, Ниной Владиславовной, она и уволокла его в Германию. Но в Москву, похоже, он приехал один, без нее. А может, он завел какую-то даму в Москве? Хотя какое я имею к этому отношение? Ладно, чего зря голову ломать. Завтра все узнаю.

...Сергей Павлович так изменился, что я с трудом его опознала. Он страшно похудел, но при этом не осунулся.

– Привет, Каринка! Выглядишь потрясающе! Ты не думай, что я смертельно болен, просто занимаюсь спортом, сижу на диете и еще куча всяких скучнейших историй. Но я здоров и бодр!

– Даму, что ли, завели, Сергей Павлович?

– Не без этого! – Он подмигнул мне. – Ну а ты? Никого не завела?

– Да нет, как-то после Лёни... Никто не нравится!

– Ну и зря! Жизнь так быстро пролетает, не успеешь оглянуться и... старость!

– А, я, кажется, поняла, почему вы позвали меня именно в «Бавариус». Дома Нина Владиславовна вам пива не дает, так вы решили тут оторваться?

– Умная женщина, никуда не денешься! Можешь вообразить? Ни пива, ни сосисок, ни рульки, ни-че-го! Такая тоска! А тут уж я оторвусь! Мне запрещают даже цветную капусту! Жуть!

– Сочувствую!

– Ты, верно, умираешь от любопытства, зачем я тебя позвал?

Я молча кивнула.

– На днях ведь было пятилетие Лёниной смерти. Так вот... Примерно за месяц до этой... короче, за месяц до смерти Лёнька приехал ко мне и сказал: «Дружище, я чувствую, что скоро помру, и потому у меня есть к тебе просьба. Я сейчас передам тебе сверток... Отдашь его Каринке через пять лет после моей смерти. А если сам не доживешь до этой чудесной даты, попроси Нинку...» Ну, я спросил, что это? Он ответил, что это его дневники последних двух лет, почти целиком посвященные Каринке. «Я не хочу, чтобы она это читала так сказать по свежим следам...» Ну, я спросил, а что же там такое... Но он только улыбнулся и развел руками. Вот! – Он достал из портфеля завернутый в плотную коричневую бумагу пакет. – Я этого не трогал, видишь, тут Лёнькин фирменный узел...

У меня дрожали руки, сердце билось где-то в горле. Мне было безумно страшно. Что меня ждет, что я узнаю из этих дневников?

– Сергей Павлович, и вы... из-за этого приехали?

– Ну, это было главным... А вообще просто хотелось повидать Москву, знакомых, меня еще пригласили на «Кинотавр»... Каринка, не трясись, возьми себя в руки! Думаешь, Лёнька написал там о тебе какие-нибудь гадости? Ерунда! Он любил тебя без памяти! Знаешь, мы иногда сидели с ним, и он вдруг ни с того ни с сего вздыхал эдак тяжело и говорил: «Господи, Серега, если б ты знал, как я люблю Каринку... Я даже не думал, что может быть такая женщина, в которой нравится абсолютно все, абсолютно!»

Я едва удержалась, чтобы не расплакаться. Мне в нем тоже нравилось абсолютно все! Разумеется, кроме вывода его бывших жен.

Я еле дождалась конца обеда, сердечно поблагодарив Сергея Павловича, поймала такси и помчалась домой, хотя мне и пешком было недалеко и на троллейбусе вполне могла бы доехать.

Я схватила ножницы и разрезала толстую бечевку. В пакете лежали две толстые тетради. Одна черная, а вторая зеленая. Я открыла черную. У Лёни всегда был не слишком разборчивый почерк.

Сперва строчки расплывались перед глазами. Было страшно. Я полистала тетрадь, но потом решила начать с самого начала и ничего не пропускать.

«Как страшно! Я вчера встретил девушку... Именно такую, какая мне нужна. Я понял это, обменявшись с ней всего несколькими фразами. Ничего не значащими, собственно, вполне пустыми фразами... Мне так хочется говорить с ней обо всем, она умница, независимая, с прекрасным чувством юмора... Словом, мечта! И имя у нее красивое – Карина! Но ей всего двадцать пять. А мне вдвое больше. И я четвертый раз женат, черт бы меня побрал. А

что я могу предложить такой девушке, кроме себя самого? И все-таки... Я почему-то надеюсь. Я дал ей свой телефон. Позвонит – счастье! Не позвонит... Попробую пережить.

Позвонила! И я назначил ей встречу... в Зоопарке! Она, кажется, даже не удивилась, а обрадовалась...

Три дня не писал. Просто не мог! Я счастлив так, как никогда в жизни! Она моя! Она сама захотела быть моей и говорит, что тоже счастлива... Я схожу с ума от моей Марфуши! Но боже, какой скандал пришлось выдержать, когда я объявил, что ухожу! Истерики, угрозы... Пришлось оставить абсолютно все, еле-еле удалось одежку выпарать. А Марфуша только смеется, ты, мол, мне и такой сгодишься... Ничего, все, что нам надо, сами наживем! Надо заметить, запросы у нее небольшие, скромные... но я могу говорить с ней абсолютно обо всем, просто удивительно... Современная девушка двадцати пяти лет, а так прекрасно образована, у нее такой точный и безукоризненный вкус. А при всем том она еще и в постели абсолютно моя женщина... Неужели так бывает? Я часто думаю, что такое счастье долговечным быть просто не может... Или она бросит меня, встретит молодого красивого парня... Я вижу, как они на нее смотрят. Хотя она не из таких, она скорее декабристка... Но я могу умереть... Да, так скорее всего и будет, хотя я чувствую себя превосходно, я молод душой и даже телом... она любит мое тело, и я верю ей... Или просто хочу верить? А, ладно, сколько мне отпущено этого сумасшедшего счастья, столько и буду им упиваться. А может, Господь, увидев такую любовь, сжалятся и даст нам еще пожить вместе? На это и уповаю!

На днях ездили с Марфушей к ее маме и деду. Мама встретила меня настороженно, я бы даже сказал, испуганно. А вот дед – радостно! Чудесный старик, настоящий русский интеллигент, таких почти уже не осталось. Сказал, что любит мои фильмы, и явно не врал... Приятно, черт возьми! А как моя Марфуша меня им представила! Это восторг! Мы вошли на маленькую терраску. Мать и дед уставились на меня недоуменно, она их не предупредила. Вошли, и Марфуша вдруг заявляет: «Мама, дед, позвольте вам представить моего мужа, не ахайте, это мой муж, безумно любимый и любящий, я сама его выбрала, разница в возрасте, конечно, солидная, но когда любовь, это роли не играет! Вот как-то так! Да, если кто не знает, это наш знаменитый кинорежиссер Леонид Корецкий! Я увела его от четвертой жены, у него ни хрена нет, кроме огромного таланта, так что о браке по расчету речь не идет! Потому что сами знаете, что у меня тоже ни хрена нет, кроме однушки! Вот теперь все, прошу любить и жаловать!»

Мамаша поджала губки, а дед весело расхохотался:

– Ты, Каришка, значит, та самая «дура пятая» из частушки?

– Именно, дед, именно! – обрадовалась Марфуша. – Я уж и сама ему эту частушку спела! Господи, как я люблю ее! Как последний дурак!

Давно не писал, был занят страшно, да и о чем писать, если счастлив с утра до ночи и с ночи до утра? А писать здесь о делах неохота. Да и зачем, если я могу все, абсолютно все обсудить с моей Марфушей? Она такая умница, всегда готова дать совет, и всегда дельный, просто на удивление.

Вчера я чуть не умер от ревности, старый дурак. Были с Марфушей в Доме кино, после просмотра знаменитого, но, на мой и Марфушин вкус, погано-претенциозного фильма, к ней вдруг в ресторане стал липнуть какой-то питерский писатель, красивый мужик лет тридцати. Оказалось, ее старый знакомый. Она с ним весело общалась, даже кокетничала, а я был готов просто его убить. Но она, чудесная, чуткая, поняла, что со мной творится, и мгновенно отшила наглеца и захотела сразу уйти. А когда пришли домой, она вдруг обняла меня и сказала: «Какой

же ты дурак! Да мне же сто лет ни один мужик не нужен, кроме тебя!» Хотя я ни звука ей не сказал... Она вообще читает меня, как книгу... На днях я пришел домой расстроенный и усталый. Отвык жить без машины. А женушка № 4 не отдала мне мою. Вхожу в квартиру, а Марфуша вдруг заявляет:

– Лёнь, пора покупать машину! Мне тетя Феля колечко отдала, я его оценила, на приличную «тойоту» хватит! Поедем прямо сейчас покупать!

Я рассердился, обиделся, еще не хватало мне на ее колечки тачку покупать! Возмутился. А она смеется:

– Да это тетя Феля решила тебе подарить машину, но она в них ничего не понимает, вот и дала мне колечко, чтобы я его или продала, или заложила... Ты же знаешь, как тетя Феля тебя обожает и все твердит – негоже такому знаменитому режиссеру без машины...

– Ничего, – отвечаю, – знаменитый режиссер пока обойдется! А вот получу гонорар, тогда и купим. А колечко ни за что не возьму!

И не взял! И заставил ее колечко это носить. А машину через два месяца и впрямь купил. «Шкоду-фелицию» в честь ее тетки Фелиции Константиновны. А через полгода тетка эта умерла и завещала Марфуше свою роскошную квартиру на Остоженке. Царствие ей небесное!

Вот уже почти год не брал в руки дневник. Но сейчас Марфуша уехала на три дня в Питер на какую-то искусствоведческую конференцию, вот и вспомнил о дневнике. Я без нее просто чахну... Она предлагала поехать с ней, но у меня не получилось. И вообще, пусть девочка побудет на свободе. Приятели позвали выпить пива. Пошел. Зачем? Чуть не помер от злости! Эти разговоры... И скучно, грустно, и хочется морду набить в минуту душевной невзгоды. Я вообще могу существовать или в непрерывной работе, или с моей Марфушей. Хотя нет, даже целиком погруженный в работу я все время помню, что у меня есть Марфуша. Каждую свободную минутку или звоню ей, или пишу эсэмэски. А возвращаюсь домой, обязательно заглядываю ей в глаза, а там всегда любовь... даже если ей вдруг нездоровится или она чем-то расстроена. Неужели так бывает? Я хотел бы написать сценарий о такой любви, но это будет так скучно посторонним... Завидно и скучно. Но нам-то с ней никогда не бывает скучно!

Тут на днях встретил в Доме кино свою третью жену. Боже, с какой насмешкой она на меня глянула и говорит: «Что-то ты неважно выглядишь, Лёнечка! Это что, тебя молодая бабенка заездила? Та к тебе и надо, кобель окаянный!» Я только засмеялся ей в ответ. Да я вообще перестал замечать других женщин. Все равно лучше моей Марфуши нет.

Ездили с Марфушей на Новый год в Израиль. Остановились в маленькой гостинице недалеко от моря. И хотя и у нее и у меня там есть знакомые, но мы решили, что не будем никому объявляться. Взяли машину напрокат, съездили в Иерусалим. А тридцать первого зарядил такой дождь, что ни неба, ни моря не видно. Марфуша вдруг схватила зонтик и говорит:

– Я сейчас.

– Куда?

– Семечек купить!

– С ума сошла?

– Нет! В такую погоду только семечки грызть! Знаешь, какие тут семечки! – Глаза блестят и никакими силами ее не удержишь.

– Ладно, беги! – Убежала. И минут сорок ее нет. Я уж начал волноваться, здесь до ближайшего магазина от силы три минутки медленным шагом. И тут возвращается. Мокрая насквозь, джинсы выше колен мокрые и с двумя большущими пакетами.

– Ненормальная, что ты накупила!

– Все! Никуда не пойдем, будем Новый год в номере встречать!

Она накупила всяких вкусных вещей, фруктов, да же яблочный торт и, разумеется, семечек! Они оказались на удивление вкусные. Крупные серые с солью. Мечта. И мы полдня как два идиота сидели, грызли семечки и пилились в телевизор. Время от времени смотрели друг на друга, хохотали и начинали целоваться.

– Лео, тебе хорошо?

– Невероятно хорошо!

Но вечером она аккуратно убрала все следы подсолнухового безобразия, изящно, по мере возможности, накрыла стол и мы встретили Новый год. Среди прочей снеди там были и дивные соленые огурчики, но у нас от семечек так распухли языки и губы...

– Ой, Лёночка, а как же мы будем целоваться?

– Мне лично это не мешает! – заявил я.

– Давай попробуем, а то у меня большие планы на эту ночь!

Но ничто не мешало этим планам осуществиться.

А утром в окно светило яркое солнце, море было ярко-синим с белыми барашками...

– Это был лучший Новый год в моей жизни! – сказала, потягиваясь, Марфуша.

– В твоей еще короткой жизни. И в моей уже такой длинной тоже!

А потом, после завтрака, мы вышли на набережную и решили идти пешком в Яффо. Было тепло, градусов восемнадцать. Мы шли вдоль моря, до нас долетали соленые брызги, и на прибрежных камнях грелись местные кошки в огромном количестве. Марфуша радовалась как ребенок.

– Смотри, видишь, у многих ушки подрезанные?

– Почему?

– А тут бездомных кошек стерилизуют. И метят ушки, чтобы второй раз не отлавливать животинку!

– Я третий раз в Израиле, а таких подробностей не знаю!

– Ну еще бы! Ты же, как у нас любят выражаться, «творческая личность», где тебе интересоваться бездомными кошками, ты тут все больше о высоком думал, правда, Израиль к этому располагает, а я вот тебя на грешную землю спустила – семечки, кошки...

– Если б ты знала, как мне хорошо на грешной земле!

– Кажется, да, и что, совсем не хочется воспарять?

– Только вместе с тобой!

– Это в смысле – муж и жена – плоть едина?

– Ты хулиганка, Марфуша.

– Но ты ведь меня за это и любишь!

Тут мы увидели идущее нам навстречу ортодоксальное семейство – мужчину в лапсердаке и черной шляпе, женщину в парике с выводком ребятишек. Я потянул Марфушу к скамейке, крепко прижал к себе и стал целовать.

– Хулиганство заразно? – шепнула она и очень фривольно закинула ногу мне на колени.

Ортодоксальное семейство поспешило пройти мимо.

А мы пошли дальше. Навстречу нам попался еще один ортодокс. Только этот был веселый! Он катил перед собой коляску с двойняшками, а сам ехал на роликах. И помахал нам в знак приветствия и крикнул по-русски: «С Новым годом!» Это было так забавно и мило, что просто просилось в кадр.

– Клевый был бы эпизод, скажи? – спросила Марфуша.

Как она чувствует меня!»

* * *

Больше я читать не смогла, меня душили слезы. Я так ясно вспомнила залитую январским солнцем набережную и свое ощущение огромного невероятного счастья... Я не буду больше читать эти записи! Потому что отчетливо понимаю, что больше такого в моей жизни не будет, а мне всего-то тридцать три и надо жить. Как-то жить без любви. Без такой любви. А ведь я чуть было не заинтересовалась этим Кузьмой... Хотелось бы знать, зачем Лёня прислал мне эти дневники с того света? Это что, попытка объяснить мне, еще живой, что такой любви, такого счастья у меня в жизни больше не будет и пытаться незачем? Нет, этого быть не может. Он в последний год говорил мне не раз: «Когда я умру, ищи новую любовь, не оглядывайся на прошлое, это бессмысленно, да, она будет другая, эта новая любовь, ну и пусть, так куда интереснее...» Или он просто лукавил?

Я взяла обе тетради, завернула в ту же бумагу, завязала шпагатом и положила на антресоль.

Зазвонил домашний телефон.

– Алло!

– Карина Георгиевна?

Незнакомый мужской голос.

– Да, я.

– Карина Георгиевна, это адвокат Феликс Ключников. Вам что-то говорит мое имя?

– Совершенно ничего.

Пусть не думает, что я видела эту пакость!

– Я так и думал! Карина Георгиевна, дело в том, что я недавно абсолютно случайно попал на телепрограмму, где совершенно недопустимым образом и в недопустимом тоне полоскали ваше имя.

– И что?

– Знаете, я адвокат с опытом, многое видел, но такого змеюшника не ожидал.

– Да, мне говорили, что какой-то адвокат там за меня вступился. Это были вы?

– Да. Я. Дело в том, что моя мать работала вторым режиссером на трех картинах вашего покойного мужа...

– Как зовут вашу маму?

– Ирина Васильевна Шмелева.

– Боже мой! Я помню вашу матушку. Леонид Дмитриевич страшно сожалел, когда она уехала...

– Да, мама с таким благоговением вспоминает вашего мужа... Так вот, после передачи мама мне позвонила и, можно сказать, приказала не давать вас в обиду! Мама говорит, что... цитирую дословно: «эти злобные крысы могут сглотать девочку!»

– Полагаю, что девочка им не по зубам! Но так или иначе, спасибо вам, Феликс!

– Я даже слышал, в студии шептались, будто я ваш любовник. Этим людям элементарно не приходит в голову, что можно просто вступить за несправедливо обиженную женщину.

– И все-таки, почему вы за меня вступились? Вы же меня не знаете?

– Ну, во-первых, когда всем миром наваливаются на кого-то, мне это не нравится. А во-вторых, я всегда слышал от мамы, что наконец-то Леонид Корецкий нашел себе достойную женщину...

– Ну надо же! Послушайте, Феликс, может быть нам следовало бы познакомиться, раз такое дело, а?

– Был бы счастлив! И хотел бы еще... Собственно, затем и звонил... Мама просила отдать вам альбом с фотографиями Корецкого... фотографии чудесные... мама делала их на съемках, они совсем непарадные, часто забавные.

– Ваша мама...

– Мама была влюблена в Корецкого, но так... платонически, восхищенно, издали... Даже папа не ревновал...

– Ох, передайте огромное спасибо вашей маме. Значит, нам просто необходимо встретиться!

– Может быть, завтра вечером? Поужинаем где-нибудь?

– С удовольствием!

И мы договорились, что он заедет за мной в институт.

* * *

Как странно! Только я спрятала на антресоли Лёнины дневники, как тут же мне присылают альбом с его фотографиями! Это неспроста. Как будто мне напоминают о том, какой у меня был муж и я всегда должна об этом помнить. Можно подумать, что я забыла или когда-нибудь забуду! Я даже вполне допускаю уже, что у меня может закрутиться роман, и даже я, возможно, выйду замуж, потому что хочу иметь ребенка, которого ни за что не хотел Лёня. Какой скандал у нас был, практически единственный за три года совместной жизни. Я сказала, что хочу ребенка...

– Ты сумасшедшая, – кричал он, – я старик, какие младенцы, о чем ты! Сколько мне там жить осталось!

– Лёня, побойся бога, тебе всего чуть за пятьдесят!

– Нет и нет! Я знаю, я точно знаю, что долго не проживу! Я безумно тебя люблю, наслаждаюсь каждой минутой жизни с тобой, но ребенок... Нет! Он отнимет тебя. Я не хочу! Ты молодая, успеешь еще! И потом, я вообще никакой отец, мой единственный сын... Он всегда раздражал меня, мешал работать... К тому же я... у меня плоха я наследственность, у нас в роду были шизофреники, короче, нет!

Я никогда его таким не видела, он был буквально в истерике. Но я так его любила, так боялась за него, что смирилась. Хотя втихомолку долго плакала. Через месяц, когда он успокоился, ссора вроде бы забылась, я настояла на том, чтобы он тщательно обследовался, мы полетели во Францию, где жил его друг, и он действительно прошел подробное обследование. Ничего угрожающего врачи не обнаружили.

– Вот видишь, все хорошо! – сказала я. – И хватит уж этих разговоров о скорой смерти. Он грустно улыбнулся:

– Да что они знают...

И в самом деле, больше о смерти не заговаривал, но через полтора года умер во сне. От острой сердечной недостаточности. Хотя никогда на сердце не жаловался.

– Скорее всего, ему кто-то нагадал раннюю смерть, – предположила прилетевшая на похороны Гуля, – а он был человек ранимый, излишне впечатлительный, поверил и жил под этим приговором... Никогда не ходи к гадалкам, Каринка!

– Да уж! Я и сама до смерти боюсь всяких предсказаний.

Если бы не Гуля с Тонькой, не знаю, как бы я пережила и похороны, и поминки... Все четыре экс-супруги устроили буквально шашаш.

– Это ты, проклятая, свела его в могилу! – кричала супруга № 1, с которой он расстался давным-давно, да и прожил-то всего ничего, а супруга № 4 на кладбище кинулась на меня с кулаками. Еле оттащили. И все четыре ревели белугами. А я словно застыла. Слез не было.

Ну не умею я плакать на людях, так и это мне поставили в вину. И судя по последнему ток-шоу, ставят до сих пор.

На третий день после похорон ко мне вдруг явилась супруга № 3 со смиренным видом:
– Карина, умоляю вас, отдайте мне собаку!

Два года назад мы с Лёней подобрали чудесного щенка, который вымахал в здоровенную дворнягу. Лёня в ней души не чаял, гулял с ней, водил на прививки, а через полгода после Лёниной смерти пес попал под машину. Но тогда я безмерно удивилась.

– Отдать вам собаку? С какой это стати? – возмутилась Гуля. У меня не было сил на пререкания.

– Я имею право! – заявила нахалка. – Это я научила Леонида любить собак!

– А Карина просто научила его любить! И собаку она вам не отдаст! Идите отсюда подобру-поздорову! – выпроводила ее Гуля. – Нет, вы видали такое!

Тонька только глаза таращила.

– Нет, что за бабы у него были, у твоего мужа, тихий ужас! Это они его довели до могилы!

– Да уж! Андрей говорит, что, если б Лёня не встретил Каринку, он бы уже давно... – высказалась Гуля.

А сколько гнусных интервью они тогда дали! Что я только и делала, что тянула с него деньги. Какие там деньги! Чтобы достойно его похоронить, я продала то самое теткино кольцо, ну и спасибо Союзу кинематографистов, они тоже помогли. Все наследство мужа – машина да прелестная шубка из куницы, которую он мне привез, кажется, из Хабаровска. Иногда мне что-то капает из Российского авторского Общества, ну и за прокат его фильмов я получаю какой-то небольшой процент, кстати, пополам с Антипом. Но зато мне в наследство осталось столько чудесных воспоминаний и несомненное сознание того факта, что я была по-настоящему любима! Но хватит о прошлом.

Утром мне опять позвонил Феликс:

– Карина, простите ради Бога! Я не смогу вечером с вами встретиться, мама заболела, я вылетаю к ней!

– Что-то серьезное?

– Ну, если мамин муж меня вызвал, боюсь, что да, серьезное!

– Будем надеяться, что все обойдется и передайте маме огромный привет и пожелание здоровья!

– Непременно, Карина!

– Удачного полета и мягкой посадки!

– Спасибо!

Странно, но я испытала облегчение. Еще одна встреча с прошлым откладывается.

А вечером мне позвонила Евгения Памфиловна Острогорская, закадычная Лёнина подруга еще со времен ВГИКа. Она училась на актерском, но актерской карьеры не сделала, зато стала классным педагогом все в том же ВГИКе. Она сперва отнеслась ко мне настороженно, но после того, как мы случайно встретились на отдыхе в Греции, нежно меня полюбила.

– Привет, Каринка! Как дела-делишки? Я слыхала, что тебе на телевидении косточки сулеймой моют, суки драные! Но я звоню не поэтому! У меня тут такое событие намечается! Свадьба!

– Свадьба? Чья?

– Они так засрали тебе мозги? Дуськина, конечно!

– Ох, а сколько же ей лет, Дуське?

– Да совсем старуха, девятнадцать!

– С ума сойти! И кто жених?

– Ну за кого может выйти дочка вгиковского препода? За дипломника ВГИКа! Слава богу, хоть не актер! А будущий продюсер! И хороший парень! Ему уж двадцать четыре, не вовсе сопляк.

– Москвич?

– Москвич, москвич!

– А семья?

– Он сирота. Только дядька. Он его вырастил, порядочный мужик! Словом, я довольна.

– Ну надо же. Если уж вы довольны...

– Каришка, мы с Дуськой приглашаем тебя на свадьбу! И не вздумай отказываться, обидимся!

– А я и не собиралась отказываться! С удовольствием приду! Только скажите, что подарить?

– Да что сочтешь... Только не посуду!

– А если просто денежку?

– О, это лучше и нужнее всего!

– Отлично! Когда и где?

– Через две недели, в ресторане. Это будет за городом, на свежем воздухе, для безлошадных или желающих выпить будет автобус. Ну, мы тебе уже послали приглашение, там все написано. И еще: форма одежды – парадная! Чтоб явилась во всей красе!

– А как же!

– И будешь ловить букет невесты!

– Нет уж, от этого увольте! – засмеялась я.

– Ну, там видно будет! Все, Каришка, целую тебя! И буду страшно рада повидать!

– Я тоже!

– И не вешай нос из-за глупых злобных баб!

– Еще чего!

– Вот и молодец!

Я почему-то обрадовалась! Мне вдруг захотелось нарядиться, сделать новую прическу, пойти на свадьбу, хоть я и не любительница свадеб, но тут, мне показалось, все будет правильно, без этой свадебной пошлости. Просто соберутся хорошие люди и вместе порадуются счастью молодых. Не знаю, какой там жених, но Дуська совершенно очаровательное создание, умненькая, веселая, и если уж Евгения Памфиловна не ругает жениха, значит, он и впрямь достойный парень. Я подошла к шкафу. Да, давненько я не обновляла свой гардероб. Почему-то захотелось выделиться, я уж и не помнила, когда мне этого хотелось в последний раз. Но покупать обновку и сделать более или менее приличный подарок не получится, не те у меня доходы. Ну и ладно! Можно что-то скомбинировать, придумать. Есть шикарное черное платье, но идти в черном на свадьбу, тем более на свежем воздухе... Нет, не годится. Можно было бы надеть мое любимое зелененькое в полевой цветочек, но это уж совсем не парадно и ни с чем не скомбинируешь. И вдруг я вспомнила, что у меня есть кусок ткани, белой в крупный черный горох. И длинный, в пол, черный сарафан. Если из ткани в горох соорудить нечто ассиметричное, с каким-нибудь занятным хвостом или даже капюшоном, может получится то, что надо, но я сама вряд ли с этой задачей справлюсь. Придумать я вполне могу, а вот исполнить... Но в соседнем доме есть швейная мастерская, и там работает гениальная швея. Я тут же побежала к ней.

– Карина? Здравствуйте! Опять что-то придумали?

– Придумала, Олечка, придумала!

Я объяснила ей задачу.

– Нет, – огорченно покачала она головой. – Не получится!

– Почему?

– Ткань недостаточно мягкая. А сарафан совсем мягкий. Надо что-то другое, но в принципе идея хорошая. Ой, знаете, я вчера видела в магазине одну ткань... То, что нужно! И с вашим сарафаном будет здорово сочетаться... Только она не белая, а скорее сероватая и в черный цветочек. Если сделать такую штуку... – она быстро нарисовала мне весьма причудливую накидку, – получится эффектно. Но все же не очень нарядно, Карина, все же не для свадьбы, тем более и сарафанчик у вас не новый... Но у меня есть одна мысль. Поезжайте в тот магазин, там есть такая же ткань в лиловый цветочек, и, по-моему, я видела там еще лиловую без всякого рисунка, я тогда подумала, может получится интересное платье... Вы как к лиловому относитесь?

– Да хорошо отношусь!

– И ткань совсем недорогая. Может, съездите, поглядите?

– А если понравится, сколько брать?

– Карина, вы сейчас на колесах?

– Ну, к вам пешком пришла, но...

– У меня сейчас клиентов нет, давайте быстренько съездим и там прикинем.

– Оля, я вас обожаю!

– Вы пока сходите за машиной, а я закрою ателье.

И уже через двадцать минут мы входили в магазин.

Я просто влюбилась в эту ткань с лиловыми цветочками.

– Берем!

– Только, Карина... Это все-таки не вечерний вариант!

– И плевать! Такого туалета уж точно ни у кого не будет! Да, это стиль кантри, ну и что? Имею право! Тем более что к нему можно надеть туфли без каблуков, а дело будет за городом, может, по траве ходить придется, да мало ли! – ликовала я. – И потом это платье можно будет носить когда и куда угодно!

– Вообще-то вам можно, вы стильная... Научились бы шить, никаких бы у вас проблем не было. Придумывать вы мастерица!

– Нет, этим талантом меня Бог оделил! А вы гениально шьете! И в результате получится супер, я уверена!

– Ну вы и скажете! Ладно, приходите завтра на примерку!

– Оля, вы чудо!

И хотя обойтись без трат не получилось, но я скоро должна получить отпускные, ничего, выкручусь. Я уже видела себя в этом дивном платье. Конечно, очень стильно было бы надеть к такому платью кеды, но я этого не люблю, хотя это дико модно. У меня есть симпатичные серенькие босоножки. А сумочку возьму зеленую, она небольшая и очень удобная. Помню, как мы с Лёней куда-то собирались, я тоже что-то придумывала, примеряла, прикладывала к лицу...

– Господи, Марфуша, как я люблю смотреть на тебя, когда ты прихорашиваешься перед зеркалом, стоишь в глубокой, я бы даже сказал, философской задумчивости возле шкафа... Это так чудесно, так женственно... И мне всегда нравится, как ты выглядишь! Я просто старый влюбленный дурак, да?

– Нет! Ты совсем не старый, горячо любящий мужчина. Иной раз даже слишком горячо!

– Марфуша, девочка моя!

И когда уже я перестану вспоминать все это? Может, и никогда...

* * *

Платье получилось офигительное! Мы с Олей обе пришли в восторг.

– Как вам идет, Карина!

– Оля, вы волшебница!

– А я люблю вам шить, это всегда интересная задача, а то так устаёшь от подённости...

Я даже сама удивлялась, почему я так радуюсь этой свадьбе? Отчего-то мне кажется, что там мне будет хорошо, уютно, весело...

Лёня обожал всякие письменные и почтовые принадлежности. Из-за границы всегда привозил наборы каких-то умопомрачительных конвертов и почтовой бумаги, хотя в наше время это уже анахронизм, но он где-то все это выискивал, и меня всегда забавляло, как он долго обдумывал, в какой конверт лучше вложить ту или иную бумагу, если ее предстояло отправить по почте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.